

В выпуске представлена лекция А.С.Макаренко

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

ЦЕНТР «АНАЛИТИК», 2011

www.rc-analitik.ru

АНО Центр «Аналитик» является исследовательской некоммерческой организацией, задачей которой является объективный анализ информационных технологий и процессов. Наша деятельность ориентирована на выработку эффективных решений в сфере управления информационной политикой в экономическом и правительственном секторах.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

ПОДНЯТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

БОРЬБА С ПЕРЕЖИТКАМИ КАПИТАЛИЗМА

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

ЕДИНСТВО ПОВЕДЕНИЯ

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ НОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени Надежду Константиновну Крупскую. Это друг Ленина, создавшего большевистскую партию и новую эпоху в человеческом поведении. Я прошу вас почтить память Надежды Константиновны Крупской вставанием. (Все встают).

Товарищи, я не чувствую себя в особенном праве говорить с вами о коммунистическом воспитании... Я прикоснулся к этим вопросам в таком же порядке, в каком и вы прикасаетесь к ним почти ежедневно, и поэтому не ожидайте от меня никаких формул или истин, не ожидайте от меня никакой мудрости.

Договоримся так, что вопрос этот, для нас всех важный, дорогой, вопрос этот всех нас интересует, и поговорить о нем в меру нашей искренности, нашего настоящего глубокого желания совершенствоваться в области коммунистического поведения всегда уместно.

Мое маленькое право говорить перед вами вытекает из моего жизненного опыта. Я сообщу, в чем заключается это право. Революция, советская жизнь поручили мне дело, дело пере-

воспитания малолетних правонарушителей. Я работал с ними 16 лет, работая без перерывов, без отпусков, без бюллетеней, без выходных дней. Это, конечно, удача - такая длительная работа в одном коллективе. И когда я начал ее, я считал, что передо мною стоит миниатюрная задача: вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вменяемыми в жизни, т.е. подлечить, наложить заплатки на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь вести трудовую жизнь, как-нибудь - я на большие достижения не претендовал. Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того как он становился комсомольским коллективом, ВИЛ постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросами исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких особых правонарушителей нет, есть люди, попавшие в тяжелое положение. Я очень ясно понимал, что если бы в детстве попал в такое же положение, я тоже был бы таким, как они. И всякий нормальный ребенок, оказавшийся на улице без помощи, без

общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрепанными нервами, без перспективы, - каждый нормальный ребенок будет себя вести так, как они...

Я пришел к заключению, что нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические педагогические задачи перевоспитания уже не могли стоять передо мной. Стояла обыкновенная задача - воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения#1.

Последние годы, таким образом, я никого не исправлял, я просто выполнял обыкновенную советскую работу, воспитывал обыкновенных хороших советских людей. Меня сопровождал успех, и в этом заслуга, конечно, уже не моя, в этом заслуга всей нашей советской жизни - тех целей, которые перед нами стоят, тех путей, которые мы вместе с вами прошли, той энергии, которую мы находим в каждом часе нашей жизни.

Вот почему и моя работа, и усилия моего коллектива имели успех. В результате я пришел к некоторым интересным для меня самому выводам. Первый вывод такой: воспитание - очень легкое дело, воспитание счастливое дело, никакая другая работа по своей легкости, по исключительно ценному, осязаемому, реальному удовлетворению не может сравниться с работой воспитания.

Я это всегда говорю, и многие коллеги, в особенности, коллеги-педагоги, посмеиваются, слушая меня. Но они не имеют права улыбаться.

Недавно пригласили меня на юбилей одной школы...#2 Я увидел замечательную школу, одну из лучших московских школ, и я спросил:

"Наверно, у вас по 20 лет работают педагоги?" - "Да, - говорят, - директор 20 лет в школе, а этот - 15, а этот - 12". И у них большой успех, потому что 20 лет быть директором в одной школе - значит отдать ей жизнь. А это очень много. Вот и я отдал свою жизнь и так же, как они, работал успешно.

Я имею право утверждать, что работа по воспитанию - очень легкая работа. Легкая не в том смысле, что можно поработать, потом пойти погулять, потом почитать, отдохнуть и т.д. Нет, времени она берет много, но она легкая по типу напряжения.

Последние годы у меня было 600 коммунаров... и мне было легко работать, настолько легко, что с 1930 г. работал без обычной в интернатах должности воспитателя. Были учителя в школе, были инженеры на заводе, но детский коллектив в 600 человек жил, в известном смысле, самостоятельно. И утром, когда я услышал сигнал "вставать" и знал, что в моем коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился. Я прекрасно знал, что они достаточно разумны, дисциплинированы и воодушевлены, чтобы над ними не ставить надзирателя. Они могли сами проделать такую простую вещь, как вовремя встать с постели, умыться, вовремя убрать пыль, вытереть полы, выстроиться и встретить своего дежурного командира официальным торжественным приветствием как сегодняшнего руководителя. А после этого они давали сигнал на работу, и к ним приходили взрослые - инженеры, педагоги и я, которые вели день дальше.

Я сначала поражался, зная, как трудно встать вовремя, натереть полы, когда за тобой никто не следит, а потом перестал удивляться и увидел, что это нормальное коллективное действие, нормальный человеческий поступок, а нормальный человеческий поступок и есть самый простой и самый легкий поступок.

Вот и я приношу к вам вывод, который могу вам предложить, - это моя уверенность в том, что коммунистическое воспитание - это счастливый процесс, который сам в себе несет успех, и поэтому дело воспитания - легкое и счастливое дело...

Коммунистическое воспитание мы начинаем не сегодня, оно начато 20 с лишним лет назад, оно начато для всего нашего народа с первого удара Октябрьской революции, а для партии большевиков коммунистическое воспитание начато с первых слов товарища Ленина#3. Коммунистическое воспитание - это не то, что стоит перед нами, а то, что давно нас воспитывает и в значительной мере уже воспитало нас.

Наш советский человек отличается большими новыми особенностями. Русские, украинцы, белорусы, все иные народности - вообще советский человек приобрел новые качества характера, новые качества личности, новые качества поведения. Среди этих качеств можно отметить некоторые, всем прекрасно известные. Прежде всего, наш человек сделался субъектом мирового масштаба, он мыслит масштабами мира, у него дальний глаз, он видит, следит, интересуется всем тем, что происходит на земном шаре, он переживает те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае,

переживает как гражданин мира. На наших глазах советский человек сделался именно этим гражданином мира, а 22-23-24 года назад он был еще провинциальным человеком Российской империи... Вот это качество сделаться человеком мирового знания, человеком мировых интересов и мировых вопросов - это уже большой шаг вперед в деле коммунистического воспитания.

Во-вторых, этот самый российский человек, советский гражданин, который на 80 процентов был неграмотен и далеко стоял от техники, сейчас сделался прежде всего техником. У нас мальчик в 7-9-12 лет больше техник, чем мы, старики, люди старого поколения. Мы сплошь и рядом не знаем, что такое карбюратор, что такое зажигание и что такое капот, а многие из нас, стариков, серьезно думают, что на револьверных станках делают револьверы. А наши мальчики знают, что такое капот и что такое зажигание. Мне в особенности посчастливилось близко подойти к этой технической душе советского гражданина, пока этому гражданину 10-14 лет. Я и сам, как все педагоги, думал, что ребенку нужно давать легкую работу, т.е. давать шить трусики или чинить обувь, иногда делать табуретки. Когда мы заставляем ребят делать плохую табуретку, шить плохие ботинки и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу. А поработавши с ними 12 лет, и им предложил заграничные драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать "Лейки", советские ФЭД. Что такое "Лейка"? Это 300 деталей, точность которых 0,001 миллиметра. Это производство с заменяемостью частей, точнее, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы, а в царской России не умели вообще делать точной оптики.

Я не побоялся предложить это ребятам. И сам удивлялся тому, что четыре часа в день коммунар стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка и рядом с ним стоит взрослый наемный рабочий, у которого больше сил и больше как будто здравого смысла. Это человек моего возраста. И казалось мне и всем инженерам, что это все-таки рабочий, а это ребенок, детский труд. И сколько процентов нужно скинуть на эту детскую производительность труда. И оказалось, что этот ребенок в течение четырех часов делает полную норму рабочего восьмичасового рабочего дня. И что самое главное - делает быстро, делает со страстью и делает хорошо. Знаете, что такое

станок. Он параден, красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчики именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, небруннотой стружки не должно быть. И я увидел, что проблема пятнышка на станке - это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, еще молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас молодежь стоит выше какой угодно другой молодежи.

Откуда пошло стахановское движение? Мы, молодые советские граждане, оказались талантливыми техникумами, талантливыми покорителями природы, значит, талантливыми борцами за новые богатства, за новую жизнь.

Еще какие качества уже как продукт коммунистического воспитания, которое мы прошли, есть у нас? И некоторые вступают со мной в переписку и доказывают, что коммунистическое поведение здесь не при чем, напротив, именно человек, коммунист, т.е. член партии, а человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, должен жить свободно, не должен быть рабом ни своих чувств, ни своих действий, ни своей жены. И крыть нечем. Имеет право. Иначе, в самом деле, для чего кровь проливали. Так вот и такой вопрос тоже имеет важное значение. Кое-кто клеветал на нас, говорил, что русский человек по природе раб. Трудно себе представить, чтобы советский гражданин мог допустить когда-нибудь возвращение к рабству. Но это не значит, что он сделался анархистом. Нет, он нашел в себе большой гений, большой талант. Там было рабство, теперь сознательная дисциплина. В этом заключалось гнусное возражение против всяких реформ и революции, в этом заключалась явная мера ретроградов и тайная вера либералов, что, только оставаясь рабом, человек может работать.

Где же эта пресловутая привычка к рабству? Что осталось от татарщины, крепостного права, самодержавия? Ничего не осталось! Советский гражданин нашел в себе большой гений, большой талант. Когда-то было рабство, теперь сознательная дисциплина. Это новое качество, воспитанное всем процессом нашей борьбы, - это результат коммунистического воспитания.

Теперь тот самый неграмотный человек, который до Октября смотрел на печатную бумагу как

на сырье для сигарки, этот самый человек, мало того, что сделался читателем, что никакие тиражи не могут заполнить нашего спроса, - он сделался качественным читателем. Я часто встречаюсь с моими читателями на конференциях, на встречах и беседах, и, по правде вам сказать, когда я первый раз попал на такую конференцию, я про себя тайно думал: ну что? Это - читатель, как-нибудь поговорим. Это же не критик, который в меня и шпагой и иголкой тычет. Это читатель, добрый человек, который то простит, того не разберет. Ничего подобного, пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что неинтересно, что ценно, что неценно. Советский читатель - это человек богатого вкуса, больших требований к литературе и большого умения разбираться в литературе, и еще самое главное, что отличает и что всегда отличало лучшую часть русской интеллигенции, - это подход к книге, как к другу, как к идейной категории, а не как к тому, что должно развлекать. Наш советский читатель - это человек, который в книге ищет мудрости, знания, идею. Это требовательный, высокопринципиальный и высококультурный читатель. Он таким сделался на наших глазах на протяжении двух десятков лет. И таков он в какой бы то ни было аудитории. Я бываю в московских собраниях, и в деревенских, и в провинции, и трудно сказать, где он выше. То, что он говорит, как он думает, как он умеет анализировать, как он умеет чувствовать, верить, - это человек огромной культуры души, огромной культуры личности. И ничто меня так не радует, как эта культура. Нельзя даже сказать, что это сделала только школа. Это сделала вся наша жизнь, все наше движение. Это тоже результат коммунистического воспитания.

И наконец, главное достоинство, главное качество нашего гражданина, в котором никто не может сомневаться, - это наше единство. До революции казалось, что может быть? 100 народов, 100 языков, русский, якут, грузин, как можно примирить всю эту массу, которую царь держал железным обручем? А у нас обруч - это уважение, это наш гуманизм, подобного история никогда, конечно, не видела.

Вот это наше единство, единство всего народа, единство всех граждан, это наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, это единство, несмотря на то что мы умеем критикнуть, имеем свое мнение, умеем поговорить, что вот это,

мол, не нравится, позудить и т.д., несмотря на что, несмотря на то что у нас так много людей - 190 миллионов, эта единая советская душа советского народа - это благо для всех нас и всего будущего человечества. Этот результат коммунистического воспитания уже в наличии, уже готовый.

Значит ли это, что мы уже так коммунистически воспитаны, что дальше нам нечего делать? Я должен сказать, что в общем дело настоящего большого коммунистического воспитания только еще начинается. И вот поэтому уместно сейчас задать себе вопрос: а что такое коммунистическое воспитание, а что такое коммунистическое поведение?

Вы знаете, что в жизни не всегда войдешь в глубину термина, и кажется все очень просто, думаешь, что коммунистическое воспитание - это хорошее воспитание, коммунистическое поведение - это хорошее поведение. Но ведь и до революции было у людей хорошее поведение и плохое. Может быть, и теперь так же: кто не пьянствует, жену не бьет, заботится о своих детях до какого-то нормального предела, не врет, не крадет, - значит, это хорошее поведение, коммунистическое. Так это или не так? Мне приходится часто беседовать по этим вопросам с молодежью и с пожилыми людьми. Приходится встречать такое мнение: это хороший человек, так будем считать, что он коммунистически воспитан. Так это или не так?

Всем нам очень хорошо известны слова Ленина: "...нравственность - это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов".

Все то, что служит этой задаче трудящихся, задачам революции, будет нравственно, а что не служит этой задаче, будет безнравственно. Это общий критерий для положения о коммунистической нравственности. А вот коснемся частного случая, такой мелочи: "Почему ты не сделал того-то?" - "Забыл, выскочило из головы". Третий человек говорит: "Безобразно, что ты забываешь". А четвертый возражает: "Ну чего ты к нему пристал, он не виноват, он забыл". И действительно, человек что-то помнил, а потом забыл. Ведь естественно, можно же забыть. Это естественный поступок. Имеет это отношение к формуле товарища Ленина? Конечно, имеет. В нашем обществе точное выполнение обязанностей - нравственная категория.

У человека семья, жена, дети, а потом он встретил красивую женщину и влюбился. Бросил жену, бросил детей...

Могут найтись люди, которые скажут: "Какие могут быть разговоры, что такое поведение идет против революции, когда именно революция освободила меня от семейных цепей и я хожу без цепей, в кого хочу, в того влюбляюсь". Я отвечаю: "Нет, не цепей я хочу, я хочу коммунистического поведения". Но некоторые вступают со мной в спор, доказывают, что человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, свободно, не должен быть рабом ни своих действий, ни своей жены.

А я спрашиваю: но имел ли он право быть рабом своих чувств?

Формула товарища Ленина нужна нам для того, чтобы в каждом отдельном случае, на каждом шагу, в каждом движении уметь этой формулой проверить свое поведение и узнать - коммунистически я поступаю или некоммунистически. И совершенно ясно, что для того, чтобы эту формулу расширить до мельчайших деталей наших поступков, нужно большое усилие всех, нужна мысль, нужно искать, анализировать проблемы. Но и этого мало. Еще нужно так привыкнуть к новым требованиям новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками...

Мы идем к коммунизму, к принципу "от каждого по способностям, каждому по потребностям".

Но что значит "каждому по потребностям?"..

Для того чтобы выяснить, что такое потребности и как они будут действительно удовлетворяться, для этого сознательно, умно относиться к своему поведению недостаточно. Необходима привычка правильно поступать.

Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т.е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек - гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания.

В моей работе воспитания характеров организовать сознание было очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, как нужно поступать. Когда же приходится действовать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается по секрету, без свидетелей. Это очень точная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек ведет себя, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет? И я потом

над этим вопросом должен был очень много работать. Я понял, что легко научить человека поступать правильно, в моем присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает, - это очень трудно...

Я несколько раз наблюдал, как коммунары вели себя в трамвае. Вот сидит коммунары. Он меня не видит. Смотрю, в трамвай входит человек, коммунары осторожно сдвинулся с места, чтобы никто не заметил, ушел в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, красивый поступок. Сделать для себя, ради идеи, принципа - это уже трудно, и научиться так поступать - трудно, и трудно научить так поступать. Например, вы идете по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку и ушли. Что такое, если вас увидят 3-4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется. Помните случай в Москве, когда был пожар? Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на четвертом этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи. В каждом случае мне приходилось работать над этой проблемой. Мы натерли полы каждый день. Натерли пол, зал блестит, и кто-то прошел в грязных ботинках по полу. Пустяковый случай. Уверяю вас, никакое воровство, никакое хулиганство не доводило меня до белого каления, как эти грязные следы. Почему нагрязнил? Потому что никто не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший коммунары, который от других требует правильного поведения, сам прекрасный ударник, идет впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел - он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свою эстетику и красоту потому, что никто не видел. Таково противоречие между сознанием, как нужно поступить, и привычным поведением. Между ними есть какая-то маленькая канавка#5, и нужно эту канавку заполнить опытом. Именно о такой привычке к правильным поступкам говорит товарищ Ленин.

Вот общие положения о задачах коммунистического воспитания. Перед нами стоят эти задачи. Мы должны в ближайшие пять лет пройти этот путь коммунистического воспитания. Кто будет нас воспитывать? Конечно, будет воспитывать партия, советская жизнь, школа, советское движение вперед, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя.

Вот что интересно. В книге "Флаги на башнях" я описал коммуны им. Дзержинского. Это была хорошая коммуна, образцовый коллектив. Могу без ложного стыда это утверждать. Первыми не поверили критики. Один сказал: Макаренко рассказывает сказки. Другой критик добавил: это мечта Макаренко. А я подумал: чего от критиков можно ждать? Сидят они в своих кабинетах, ничего не видят, не слышат, пусть пишут...

Но вот я получил письмо от учащихся 379-й школы. Длинное товарищеское письмо. Поздравляют меня и говорят: "Читали вашу книгу "Флаги на башнях", она нам очень нравится. Но только у вас там все какие-то очень хорошие коммунары, а у человека есть достоинства и недостатки, так и нужно людей описывать".

Это - распространенное мнение, что у человека должны быть и достоинства и недостатки. Так думают даже молодые люди, школьники. Как "удобно" становится жить при сознании: достоинства имею, недостатки тоже есть. А дальше идет самоутешение: если бы не было недостатков, то это была бы схема, а не человек. Недостатки должны быть для красочности.

Но с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: никаких недостатков не должно быть. И если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать, а почему вас 10 недостатков? Долой 5. Когда 5 останется - долой 2, пусть 3 останется. Вообще, от человека нужно требовать, требовать, требовать! И каждый человек от себя должен требовать. Я бы никогда не пришел к этому убеждению, если бы мне не пришлось в этой области работать. Зачем у человека должны быть недостатки! Я должен совершенствовать коллектив до тех пор, пока не будет недостатков. И что вы думаете? Получается схема? Нет! Получается прекрасный человек, полный своеобразия, с яркой личной жизнью. А разве это человек, если он хороший работник, если он замечательный инженер, но любит солгать, не всегда правду сказать? Что это такое: замечательный инженер, но Хлестаков?

А теперь мы спросим: а какие же недостатки можно оставить?

Вот если вы хотите проводить коммунистическое воспитание активным образом и если при вас будут утверждать, что должны быть у каждого недостатки, вы спросите - а какие? Вы посмотрите, что вам будут отвечать. Какие недостатки могут оставаться? Тайно взять - нельзя, схулиганить - нельзя, украсть - нельзя, нечестно поступить - нельзя. А какие же можно? Можно оставить

вспыльчивый характер? С какой стати? Среди нас будет жить человек со вспыльчивым характером, и он может обругать, а потом скажет: извините, у меня вспыльчивый характер. Вот именно в советской этике#6 должна быть серьезная система требований к человеку, и только это и сможет привести к тому, что у нас будет развиваться в первую очередь требование к себе. Это самая трудная вещь - требование к себе. Моя же "специальность" - правильное поведение, я-то должен был во всяком случае правильно себя вести в первую очередь. С других требовать легко, а от себя - на какую-то резину наталкиваешься, все хочешь себя чем-то извинить. И я очень благодарен моему коммунарскому коллективу им. Горького и им. Дзержинского за то, что в ответ на мои требования к ним они предъявляли требования ко мне.

Например, такой случай. Я наказывал коммунаров, сажал под арест у меня в кабинете. Бывало, посидит полчаса, а я говорю: иди. И думаю, какой я добрый человек, наказал и через полчаса отпустил. Вот меня теперь будут любить. Вообще благо-растворение души. И вдруг на общем собрании говорят: "У нас есть предложение, Антон Семенович имеет право наказывать, поддерживаем, приветствуем это право. Но предлагаем, чтобы он не имел права прощать и отпускать. Что это такое - Антон Семенович накажет, а потом у него доброе сердце, попросили - и он простил. Какое же он имел право прощать? Иногда Антон Семенович с размаху скажет: под арест на 10 часов, а потом через час отпускает. Неправильно. Вы раньше, чем наказывать, подумайте, на сколько часов. А то вы скажете на 10 часов, а потом прощаете. Никуда не годится".

Постановили на общем собрании: "Начальник имеет право наказывать, но не имеет права прощать". Так, как судья: вынес приговор и через несколько минут сам ничего поделывать не может, Приговор вынесен - и все. И я сказал: "Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что вы меня воспитываете". Стремление закрыть глаза - простить или не простить - это распушенность собственного поведения, разболтанность собственного решения.

Я учился у моих коммунаров, как быть требовательным к себе. И каждый может учиться у других людей, но это трудная вещь.

Воспитание себя, коммунистическое воспитание себя - это трудная работа, но не сделать ее может только расслабленный человек, который ищет всего легкого.

Теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма.

Ну, скажем, ревность - это пережиток капитализма или нет? Ко мне недавно пришли три студента первого курса и спрашивают: "Спорим, спорим и никак выпорить не можем. Ревность - это пережиток капитализма или нет? С одной стороны, как будто пережиток капитализма, потому что я люблю ее, а она другого любит. Я как будто собственник и предъявляю свои права собственности. А с другой стороны, как же можно любить без ревности, как это можно любить и не ревновать. Это не настоящая любовь. Какова это любовь, когда тебе все равно, как она на тебя посмотрит, как она на товарища посмотрит". И на самом деле, ревность такое чувство, которое, пожалуй, так легко к капитализму не отнесешь. Во всяком случае, такой вопрос поставить можно. Дальше, допустим, выпить лишнего, пережиток капитализма или нет? Как же пережиток капитализма, если тебе 23 года, ты при капитализме не жил и начал выпивать вообще при Советской власти? Почему это пережиток? Это как раз тоже наше явление.

Ну, даже возьмем такую очень распространенную штуку, как эгоизм. Опять-таки, если люди, которые говорят: эгоизм - это пережиток капитализма несомненный. А другие возражают: эгоизм - здоровое явление. Человек, не имеющий эгоизма, это значит, что с ним хочешь, то и делай. И много других таких явлений есть, о которых мы так и не знаем, куда их отнести ...и обычно сваливаем в одну кучу и говорим - это пережиток капитализма. А на самом деле некоторые вещи порождены нашей советской жизнью. Возьмите вы горячность, излишнюю самоуверенность, даже удалство, оно у нас сплошь и рядом рождается от нас, от нашего советского патриотизма, пафоса, когда человек прет вперед, стремится к цели и часто разрушает на своем пути. Это неосмотрительность, это плохая ориентировка. Это уже, конечно, не пережиток капитализма.

Вообще пережитков много, и они разнообразны. Самых настоящих пережитков (экономических методов) капитализма как раз мы не наблюдаем. Трудно представить себе, чтобы наш гражданин мечтал открыть бакалейную лавочку. Такого явления мы уже не видим, и даже втайне никто об этом не мечтает. Трудно себе представить человека нашего общества, который бы хотел кого-нибудь эксплуатировать, думал бы об этом сознательно. А между тем мы наблюдаем в жизни, как один человек бессознательно "эксплуатирует" другого. В

позапрошлом году я поехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, "эксплуатировал".

Заказать постель - он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить - не мог. Пошел купить раз огурцов - купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти - ничего не мог. И я на него работал все это время. Он "эксплуатировал" меня и спокойно жил моим трудом...

И на каждом шагу мы видим сейчас у нас этот пережиток капитализма. В особенности если спросим женщин - как мы их эксплуатируем. И я раньше думал: ну кого это касается, по-семейному согласились. Я служу, и жена служит, а кроме того, и обед готовит, и носки штопает. И мне в голову не приходило, что я сам должен штопать носки. А в коммуне я понял, что такое атаквисты со стремлением эксплуатировать женщин. Вот у меня хорошие ребята, комсомольцы, воспитанные ребята и спрашивают: кто будет чинить носки? Носки рвутся, и нельзя же каждый раз новые носки покупать. Правда. А девочки говорят, разве они не могут чинить. Ах, так - говорю. Вот вам инструктор, и вот вам, товарищи мальчики - комсомольцы, каждый день урок, как штопать носки. "Не мужское это дело", - говорят. И тут я им всласть наговорил. И учились, и научились, и чинили носки, и заплатки делали.

Я бы на месте наших женщин каждый день в работу мужа брал: научись чинить носки. Потому что просто стыдно: мы, мужчины советского героического периода, победившие на всех фронтах всех врагов, и такой пустяк сваливаем на женщин, а для женщины это трудно, это большая работа, и иногда приходится наблюдать наших замечательных советских женщин, которые работают вместе с нами, несут вместе с нами все наше напряжение и наши радости и печали, где-то там по ночам, когда глава семьи спит, чинят носки. Куда это годится? Никуда не годится. А что такое штопать носки? Приятная эта работа. Вы не думайте, что я достиг в этом вопросе совершенства, но я, честно, не ношу носков и ботинок, я ношу сапоги и портянки, но я не эксплуатирую свою жену. И я не дошел еще до того, чтобы купить себе хороший пиджачный костюм, как мне хочется, и чинить носки. Нет, все-таки я еще носков чинить не буду. Я еще не достиг совершенства. Но я ставлю такую задачу.

Мы очень много эксплуатируем женщин. В коммуне я добился, что там не было эксплуатации девушек, а в жизни я не вижу, что этого еще нет. В особенности я задумался над этим вопросом не-

давно, когда ко мне пришла одна женщина. Ко мне иногда приходят разные люди. Но я никак не мог ожидать такого страдания. Она пришла, сидит и плачет. "Чего вы не плачете?" - "Не могу выносить, как мужчины эксплуатируют женщин". "Кого, вас?" - "Нет, я одинокая". Затем я понял, что у нее есть основания страдать. Это человек большой души, которая от революции ждала настоящего женского освобождения. И она видит, что настоящего женского освобождения нет. Тут пережиток капитализма крепко сидит у нас. Мы его всегда видим, все знаем и все благодушно допускаем, пользуясь чем? Предательски пользуясь тем, что женщины нас любят и хорошо к нам относятся. Предательски эксплуатируем не только работницу-женщину, но и любящего нас человека. Вот такая страшная форма эксплуатации. Это пережиток.

Есть пережитки не только буржуазные в самом своем содержании, есть вытекающие из нашего незнания, нашего неумения, из нашего роста - это уже не пережиток, а недожиток.

Но есть один сорт пережитков, о котором мы меньше всего думаем и который составляет настоящую систему пережитков стороны. Это старая этика, старая система морали, по которой мы жили, наш народ жил тысячу лет, а человечество 2 тысячи лет или больше. Мы закрываем глаза, мы делаем вид, что мы этой старой системы морали не замечаем, что ее нет, а она есть. Не собрание пережитков, не сумма отдельных атавизмов и пережитков, а система традиций, система взглядов, логика. Это христианская этика. Нам кажется, что мы закончили с этим: храмы, батюшки, мифы. Вся догматика христианства очень легко слетела с нашей территории. А вот этическая система представления о поведении, традиции, представления о нравах, об идеалах, поведении у нас еще очень крепко живет и у самых настоящих советских людей, у членов партии, у настоящих большевиков. Этические представления христианства. Я под христианством вовсе не хочу понимать какое-то ортодоксальное христианство со всеми его положительными утверждениями. Я под христианством понимаю все то, что выросло на христианской почве. Я к христианству отношу всю эту европейскую цивилизацию, эту европейскую этику, которая выявляется не только в православном или католике, а и в еврее и магометанине. Вся накопленная двухтысячной историей этическая жизнь классового общества. Это самая страшная груда пережитков.

Среди коммунаров я сначала по неопытности

считал главным и самым трудным объектом своей заботы воров, хулиганов, оскорбителей, насильников, дезорганизаторов. Это характеры, которые ничем не удержишь. Не за что взяться. А потом я понял, как я ошибаюсь. Тот, который грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под подушки, - это не было самой главной трудностью и не из этого вырастали враги в обществе. А тихоня, который всем нравится, который все сделает, лишний раз на глаза не попадет, никакой дурной мысли не выразит, - у себя в спальне среди 15 товарищей имеет сундук и запирает его на замок.

И это тот характер, над которым мне прежде всего нужно работать, потому что этот тихоня так и проскользнет мимо моих рук, и я не могу ручаться ни за мысли его, ни за поступки. Он и выйдет в жизнь, а я всегда буду ждать: а что он сделает. По отношению к таким тихоням я особенно всегда настороже. Я тряс его изо дня в день, чтобы он почувствовал. Со своей подлой душой - и прикидываться хорошим человеком!

И потом мои коммунары научились бороться с таким характером и на серебряном блюде подавать его во всей приглядности. И эта корзинка, которую человек запирает на замок, - это страшная вещь. Представьте себе, живут 15 мальчиков. На нашей территории нельзя было ничего запирать, кроме производства. Спальни не имели замков, корзинки не должны были запираться. 90 спален, когда ушли на работу, остаются без охраны. А он один повесил замок. И я знаю, что из такого человек получится, и таких людей ни наказанием, ничем не проберешь. Взорвать нужно его каким-то динамитом. И я 6 лет с таким возился. Все знали, что он "иисусик", что у него добрые глаза, что он по виду как будто очень хороший человек, но ни одному поступку его мы не верили.

И когда он просил, чтобы его командировали в военное училище, нет - говорю. Почему? Потому что ты "иисусик".

И наконец, он понял, что нельзя быть "иисусиком". Старался, старался, но своей природы не мог переделать. Ловили его на всякой гадости: то слушок какой-нибудь пустит, то на девочек потихоньку гадость скажет.

Наконец ушел он в один из южных вузов, и я не мог быть спокойным, что из него выйдет человек. И когда он пришел ко мне прощаться, я изменил своему педагогическому такту и сказал: "Сволочью ты был, сволочь есть, и сволочью ты и останешься".

Он приехал потом ко мне в гости и сказал: "Сколько вы со мной возились и ничего со мной поделывать не могли, но вот то, что вы мне сказали: сволочью был, сволочью и будешь, - этого я забыть не могу. И сволочью я не буду". И вот этот взрыв: того, что я ему сказал, он забыть не может.

Он не может допустить, чтобы я был прав: и он приехал и говорит: вы ошиблись, не буду сволочью, вы увидите. Я сказал: посмотрим. Вот ты кончаешь вуз, выходишь инженером, и мы посмотрим. А ребята пишут: "Как там Сергей? Мы слышали, что хорошо учится. Не верим". Из другого города писали: "Что с Сергеем? Что-нибудь он уже выкинет". Но его все-таки удалось удержать. А сколько таких, которые промелькнули между рук, с которыми не работали! Вот эти "иисусики" - самые паскудные люди, это христиане, не в смысле религиозном, а в смысле наследия европейской христианской этики во всем ее объеме.

Сентиментальность, нежная расслабленность, стремление насладиться хорошим поступком, прослезиться от хорошего поступка, не думая, к чему такая сентиментальность - это самый большой цинизм в практической жизни. И эти пережитки остались. Тот добр, тот все прощает, тот чересчур уживчив, тот чересчур нежен. Настоящий советский гражданин понимает, что все эти явления расслабленной этики "добра" противоречат нашему революционному делу, и с этими пережитками мы должны бороться.

Но главная борьба должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Близость к практической жизни, к простому здравому смыслу составляет силу нашей коммунистической этики.

И не нужно говорить об идеалах, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки. Я думаю, что не может быть идеальнее совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе как раз в работе совершенства. Возьмем такой простой вопрос: пить воду можно или нельзя? Христианин обязательно скажет: нельзя. Полное воздержание, водка - зло, не пей. И вот этот максимум при всей прочей христианской инструментровке, он кажется даже близкостоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетре-

бовательность к человеку. И максимум висит в воздухе. В нашей этике не может быть такого максимума. Ничего не может быть свято, если это святое не идет навстречу интересам нашей революции.

Ко мне приходили ребята. Редко, когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как это он придет в коммуны и не похвастается, что он пьет водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16-17 лет и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать? Вот в нашей советской современной школе есть подобный, хотя и более мелкий, вопрос - курение. Курят ученики 5, 7, 10 классов. Что мы - педагоги делаем? Мы говорим с чисто христианским выражением на лице "нельзя курить", а они курят. Что мы дальше должны делать? Выгонять из школы? Нет. Та же наша христианская душа не позволит выгнать из школы за курение, эта же христианская душа запрещает курить и не может выгнать за курение. И естественный результат - курят, только не открыто при вас, а в уборной, в отхожем месте, т.е. в самых вредных условиях. Что делать? Как бороться? Надо же решить, а мы его решить не можем и делаем вид, что все у нас благополучно. Мы запрещаем курить. Ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем, все благополучно. Но это еще курение. Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали на моем плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый выходной день плакать? Выгонять тоже нельзя. Я, конечно, по секрету от педагогического начальства вынужден был заняться этим вопросом с точки зрения коммунистической этики. Что мне делать? Выгонять? Куда его выгонять? У меня последняя стадия его развития, и я знаю, что если я буду сидеть на этой христианской двурушнической позиции, то он будет у меня жить 5 лет, 5 лет будет пить и будет пьяницей.

И мы все знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьет после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей было не образование, а воспитание. Что я делал. Я пришел к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал водку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи,

вилки, все очень культурно, я собирал 8-10 человек "отъявленных пьяниц" в 11 часов вечера, когда уже все легли спать, и говорил им: "Строгий секрет, никто не должен знать о нашем пире. Никто". - "Будьте покойны". Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: "Буду учить вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот три правила: на голодный желудок не пей; второе правило - закусывай. Повторите. И третье правило - знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека". Это, говорят, хорошие правила.

"Ну, давай сделаем первое упражнение".

Налили по рюмке. Выпили, закусили. Есть такие, спрашиваю, которые считают, что нужно остановиться на первой? Нет, говорят, таких нет. Выпили по второй, по третьей. Я говорю: "Проверьте себя, вы себя знаете". И вот кое-кто говорит: "Нужно остановиться". Но были такие храбрецы, которые на десятой остановились. "Ну, теперь идите спать!" И все трезвые. Они уважали меня и понимали, что я делаю дело.

А вот наше российское дело: где-нибудь в перелуке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца.

Через неделю, через месяц спрашиваю: "Будете помнить мои правила?" - "Спасибо, сердечное вам спасибо, - говорят. - Будем всегда вашим правилам помнить. В голову нам не приходило, что и в этом деле нужна культура и можно чему-нибудь научиться. Когда пойдешь в город и купишь бутылку, нужно ведь ее всю выпить, куда же девать остаток. Закусывать? Где будешь закусывать? И поэтому все так и делается неправильно. Пьешь - и все". И человек 50 за свою жизнь я вот так научил пить водку. У меня не было другого выхода. Я только в этом году стал рассказывать об этом, а то делал это в секрете.

Когда, например, в гости приезжает какой-нибудь капитан Красной Армии, ну, поставишь графинчик, закуску. И он говорит: "Всегда на шестой останавливаюсь. Всю жизнь буду помнить".

Товарищи, я к чему это рассказываю? Если бы я был христианин и захотел бы балансировать, жонглировать этикой, они бы у меня вышли пьяницами и теперь они были бы несчастные люди.

В колонии им. Горького, когда я еще не научился сам, как их исправлять, был у нас Лапоть, замечательная личность, блестящий характер, блестящая натура, а спился. Не научил я его пить. Из-за пустяка спился. Влюбился в красивую девушку, женился, а он сам некрасивый. Какая же гарантия,

что такая женщина не будет тебе изменять? А он нарвался на легкомысленную особу. Он человек больших чувств - и запил. И теперь пьет. Я уже его взял в руки, я его отправил в колонию к Калабалину.

И некоторые из горьковской колонии хорошие ребята пьют только потому, что я не справился с этим проклятым грехом, не научил, как его привести в культурный вид. Мы все кричали: не пей, не пей, будь как голубь.

Точно так же и с курением. Я не пошел на путь максимума, я покупал табак и папиросы, и они курили в моем присутствии, у меня прикуривали. И именно это позволило мне вести борьбу с курением другими средствами, средствами убеждения, врачебным вмешательством, и наконец, старшие курят на договоре: вы курите, а младшим курить не даете. И уж при этом условии младшим не покурить. Конечно, я мог вызвать врача, своего воспитанника и сказать себе: вызови к себе, посмотри и попугай. И тогда врач вызывал мальчика и говорил: "Что у тебя с легкими делается, ты год проживешь". - "А что такое?" - "Да там один никотин". Я ему не запрещал курить, а доктор его пугал. И процент курящих у меня был невелик, он не превышал 15-20. И очень многие взрослые мальчишки-комсомольцы бросали курить именно потому, что я не делал максималистской проблемы.

Что все это доказывает? Прозаичность нашего этического подхода, близость к жизни, то, что по нашим силам, то и есть наша этика, что вы способны сделать. Мы требовать должны, но исключительно посильное требование. Я в особенности считаю, что в нашей коммунистической этике всякое превышение может только калечить. Я помню спор между двумя студентами, моими воспитанниками. Одному из них 19 лет. Вдруг на него нашла такая мизантропия: "А для чего жить, а какая цель?" У вас это тоже, наверное, бывает. Встает вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живем, а потом умрем и сгнием.

Я с ним возился, возился - не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал:

"Материя, говоришь?" - "Да". - "Ну что же, с такой же материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу и духа другого не хочу". И убедил человека. И от всей этики ничего не останется, если говорить высокими выражениями о добре, истине и т.д. Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшней, зав-

трашной, у нас проходят между добром и злом, между правильным и неправильным, выражаясь по-старому, проходят не по тем линиям, как в христианстве.

Какое дело христианской этике до вопросов труда? А у нас труд - это этическая категория. Все обязаны трудиться, а раз обязаны все, - значит, это норма морали.

Но возьмем более сомнительные нормы, например, такие нормы, которыми не могут значиться в христианстве, например, точность. Мы считаем часто, что у людей должны быть недостатки, и сплошь и рядом считаем, что если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток. Я в коммуне известным образом преследовал любовь, т.е. не хотел, чтобы были ранние браки, считая, что это большое зло, поэтому обрабатывал любовные сюжеты всякими и педагогическими и непедagogическими способами, т.е. говорил: "Брось свою любовь". Так что это было объектом моего преследования.

И все-таки был случай, когда одна коммунарка назначила коммунару свидание где-то в парке. А я нарвался на эту историю. Сидит она на скамье, я подсел и говорю: "Ждешь кого-то". - "Нет, так сижу". - "Неправда, - говорю, - ждешь такого-то и такого-то. Давай ждать вместе".

Ждем, ждем. 5 часов - нет, половина шестого - нет, и наконец в половине седьмого пришел. Я на него накинулся: "Что за безобразие. Обещал в 5 часов - и приходи в 5, а то заставил ждать девушку, да и меня к тому же до половины седьмого".

И вы, товарищи девушки, разлюбляйте его, если он будет опаздывать. Точность в нашей жизни - это моральная норма. Вот, например, у нас, в Союзе писателей, существует такой обычай. Если нужно, чтобы заседание состоялось в 7 часов, то пишут: "Просят прибыть в шесть часов без опоздания". Это значит приходи в семь. Написано в шесть потому, что хотят, чтобы все собрались в семь. И если это все знают, то еще опоздают и придут в восемь".

Какое циничное отношение к точности!

Мы требовать должны, но предъявлять исключительно посильные требования... Всякое превышение может только калечить...

Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшнего, завтрашнего нашего обыкновенного поведения...

Те, кто считает, что у людей могут быть недостатки, иногда думают: если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток.

И вот как-то спокойно опаздывают на 1-2 часа, пренебрегая тем, что его сидят и ждут 20 человек. Это точность в простом вопросе, а проверьте вашу точность в данном слове, точность выражений, точность выражения чувств. Сколько есть таких случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблен, все отдам. Почему так говорят? Уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел - влюблен или не влюблен. И если бы было уважение к точности слова, не говорил бы "я вас люблю", а говорил бы "вы мне понравились". Все-таки это другое, тут надо подумать еще, надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, в конце концов, очень близко к тому недостатку, который называется мошенничеством; точность в нашей жизни - это моральная норма, это великое дело в борьбе за наше богатство. Возьмем последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения от человека, что это жестоко. А я восхищаюсь, я вижу, как создается традиция точного отношения к времени. (А п л о д и с м е н т ы). Эта традиция станет привычкой, через 10 лет мы научимся уважать ее, сознавать, чувствовать каждым своим нервом, ощущать в каждом своем движении.

Я могу гордиться - в моей коммуне всегда был такой порядок: какое бы заседание ни происходило, полагалось ждать три минуты после сигнала. После этого собрание считалось открытым. Если на заседание кто-нибудь из коммунаров опаздывал на пять минут, председатель говорил: ты опоздал на пять минут - получи пять нарядов. Это значит пять часов дополнительной работы.

Точность. Это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, это уважение к себе и к товарищам. Мы в коммуне не могли жить без точности. Десятиклассники в школах говорят: не хватает времени. А в коммуне была полная десятилетка и завод, который отнимал 4 часа в день. Но у нас хватало времени. И гуляли, и отдыхали, и веселились, и танцевали. И мы дошли до настоящего этического пафоса - за опоздание самое большое наказание. Скажем, коммунары говорили мне: ухожу в отпуск до восьми часов. Он сам назначал себе время. Но если он приходил в пять минут девятого, я его сажал под арест. Кто тянул тебя за язык? Ты мог сказать в девять часов, а сказал в восемь, - значит, и приходи так.

Точность - это большое дело. И когда я вижу, коммунары дожили до точности, я считаю, что хоро-

ший человек из него выйдет. В точности проявляется уважение к коллективу, без него не может быть коммунистической этики.

В точности проявляется основной принцип нашей этики, это постоянная мысль о нашем коллективе.

Вот вопрос об эгоизме и самоотверженности. Маркс говорит: "...как эгоизм, так и самоотверженность есть при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов"#9.

...Я наблюдал в одной колонии, которую реорганизовывал в прошлом году, такой способ выхода из театра: все друг друга сдавали и выйти не могут. Хотите, говорю, научу, как нужно выходить из театра? Вы сейчас выходили из театра 20 минут, попробуйте выполнить мой совет - и выйдете в течение 5 минут. Очень просто: хочешь выйти - уступи дорогу другому. И действительно - помогло. Оказывается, каждый выиграл. Эгоизм каждого удовлетворен.

Мы в Харькове демонстрировали, как нужно входить в театр: колонна в шестьсот человек проходит к театру, дается сигнал - справа по одному бегом, и шестьсот коммунаров вбегали в течение одной минуты. Это просто разум, просто логика, никакой хитрости нет. И в каждом нашем поступке может быть такая логика. Если бы все граждане при входе в трамвай уступали друг другу дорогу, никто никогда не давил и все вошли бы. Личность выигрывает именно потому, что есть расчет на большие цифры и большие массы. Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только мое. Логика старая: я хочу быть счастливым человеком, мне нет дела до остальных. Логика новая: я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я так буду поступать, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив. В каждом нашем поступке должна быть мысль о коллективе, о всеобщей победе, о всеобщей удаче. Поэтому противно смотреть на жадного эгоиста, который хочет сейчас ухватить, ухватил, пожирает и забывает, что именно при таком способе действия вместо радости обязательно в каком-то случае схватишь горе...

Всякий поступок, не рассчитанный на интересы коллектива, есть поступок самоубийственный, он вреден для общества, а значит, и для меня. И поэтому в нашей коммунистической этике всегда должен присутствовать разум и здравый смысл. Какой бы вы ни взяли вопрос, даже вопрос любви, он решается тем, чем определяется все наше пове-

дение. Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчет в каждом поступке. Не может быть у нас этики без знания и умения, без организации. Это относится и к любви. Мы должны уметь любить, знать, как нужно любить. Мы должны к любви подходить как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм. Любовь так же нужно организовать, как и все дела. Любовь так же любит организацию, как и всякая работа, а мы до сих пор думали, что любовь - это дело таланта. Ничего подобного.

У меня в коммуне были сотни девушек и юношей, кто влюблялся, был убежден сначала, что это личная симфония, а я поневоле смотрел на них и думал: вот на этого чернобровая произвела определенное влияние, которое в ближайшее время может сказаться в лишнем "плохо" в школе, в позднем вставании, испорченных нервах.

Я должен был воспитывать чувства этих людей.

Этическая проблема "полюбил - разлюбил", "обманул - бросил" или проблема "полюбил и буду любить на всю жизнь" не может быть разрешена без применения самой тщательной ориентировки, учета, проверки и обязательно умения планировать свое будущее. И мы должны учиться, как надо любить. Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь - это наитие свыше, налетела вот такая стихия, и у человека только его "предмет" и больше ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забываю дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай. Любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она обогащает. Я учил своих коммунаров и в любви проверять себя, думать о том, что будет завтра.

Такая разумная, точная проверка может быть сделана по отношению к каждому поступку. Возьмите такую простую категорию, как несчастье. Ведь по нашей старой привычке говорят: это не его вина, а его беда. Иначе: это несчастный человек, с ним случилось несчастье, надо его пожалеть, поддержать. Правильно - поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий. Несчастливых людей быть не должно. И я убежден, что при развернутом коммунизме будет так: такой-то привлекается к судебной ответственности по такой-то статье за то, что он несчастлив. Нельзя быть несчастным. Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были

стахановцами, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю - выиграть, как в рулетку, - счастливым человеком нужно уметь быть. В нашем обществе где нет эксплуатации, подавления одного другим, где есть равенство человеческих путей и возможностей, несчастий быть не должно.

Правда, мы еще мало об этом думаем. Но вот я в своем маленьком опыте подошел к этому и говорил коммунарам: что может быть противнее несчастного человека? Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование. Поэтому, если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность - никто об этом не должен знать. Найти в себе силы улыбаться, найти силы презирать несчастье. Всякое несчастье всегда преувеличено. Его всегда можно победить. Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастий. Счастье делается нашим нравственным обязательством, и иначе быть не может при коммунизме. Несчастье может быть только продуктом плохой коммунистической нравственности, т.е. неумения, неточности, отсутствия уважения к себе и другим

Вот, товарищи, я заканчиваю. Для того, чтобы разрешить все вопросы коммунистической этики, нужно много думать, мыслить, писать об этом, к этому стремиться. Нужно себя тренировать в постоянном нравственном поступке. Вся наша жизнь, наша борьба, наше строительство, наше напряжение помогут нам расти в области коммунистического воспитания.

Разрешите закончить.

Вопрос. Англичане очень точны, но можно ли их назвать людьми с коммунистическими задатками?

Ответ. Я не говорил, что точность - единственный признак коммунистически воспитанного человека. Я говорил, что у нас точность должна быть моральной нормой, а у англичан точность существует лишь как норма этикета, норма вежливости. Мы требуем точности не только в быту, а в работе, в словах, в ответственности за свои обязанности. Наша формула точности глубже захватывает жизнь, но, конечно, не покрывает всего коммунистического воспитания.

Вопрос. Недостатки изменяются. Достоинства с течением времени переходят в свою противоположность. И этот процесс всегда будет. Значит, никогда не может быть человека, который не имел бы недостатков?

Ответ. Но это не значит, что на данном этапе мы не должны требовать уничтожения сегодняшних недостатков. Наши законные требования имеют моральное значение. А, конечно, недостатки всегда будут оставаться в обществе. Но чем больше мы будем требовать, тем меньше их будет.

Вопрос. Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до 17 лет их мучаем и мучаемся сами. Правильно ли это?

Ответ. Маркс считал, что дети с 9 лет должны принимать участие в производительном труде^{#10}. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием в большой мере благодаря отсутствию кадров.

Вопрос. Прошу ответить: вы встречали ваших героев во "Флагах на башнях", работали с ними или вы полагаете, что они должны быть такие?

Ответ. Я восемь лет руководил этой коммуной. Я убежден, что каждый детский коллектив может быть таким, и требую этого. Только, в отличие от некоторых педагогов, моих противников, я говорил: это возможно, если от детей требовать правильного поведения. Кроме требования нужны и другие меры. Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными, сильными, горячими натурами ребят в 12-14 лет и скукой детского коллектива в школе. Детский коллектив должен быть гораздо более веселый, бодрый.

В книге "Флаги на башнях" нет ничего выдуманного, там описана только правда^{#11}. И я это сделал, прекрасно понимая, что уменьшаю художественную силу своего произведения. Если бы я прибавил, выдумал, оно было бы интересно. Но я служу интересам коммунистического воспитания и не считал себя вправе описать не так, как было.

Вопрос. Я знаю некоторых студентов, они изучают науки, готовятся быть научными деятелями, а в то же время ходят грязные.

Ответ. Совершенно правильно, не только студенты. Я на внешность обращал первейшее внимание. Внешность имеет большое значение в жизни человека. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками. Мои коммунары были франты, и я

требовал не только чистоплотности, но и изящества, чтобы они могли ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами. И это совершенно необходимо...

Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса и разговаривал со мной, развалился на столе, я ему сказал: "Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это не корректно".

Вопрос. Нет ли в книжке "Флаги на башнях" замысла более широкого, чем показать детский коллектив?

Ответ. Я хотел показать, что настоящая педагогика - это та, которая повторяет педагогику всего нашего общества. Требования нашей партии - большие требования к человеку и коллективу#12.

И я свою педагогику не выдумал. Я знал, что больше требуют от членов партии, чем от беспартийных, и поэтому я от своих старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал. И я считаю: наказывать нужно не худших, а лучших.

Лучшим ничего прощать нельзя, даже мелочи. А худшие за ними тянутся. Они хотят, чтобы от них столько же требовали...

Вопрос. Можно ли прозаические этические нормы сделать нормами в наших школах?

Ответ. Это насчет курения. Я не имею права отвечать сейчас на такой вопрос. Я думаю, что, если бы я был директором школы, я старшим ребятам разрешил бы курить. Но курить не более 7 папирос в день, и сказал бы им: вы отвечаете за то, если младшие будут курить. Вредно курить в 14-15-16 лет, а в 18 - ничего. Я сам курю с 14 лет.

Вопрос. Один ученик избил другого. Последствия - увечье. Виновника наказывают так: исключают на несколько лет. Правильно ли это?

Ответ. Я знаю такой случай, когда одна ученица обкрадывала других, и тогда всем синклитом постановили: отправим ее в летний санаторий, она отдохнет и исправится. Но она научилась там танцевать фокстрот и приехала такой же, как была.

Я считаю, что дети даже толкать не должны друг друга. Они должны двигаться целесообразно. Никаких бесцельных движений. И я своим коммунарам говорил: хочется побегать - вон площадка, можно там бегать. Извольте здесь вести себя прилично.

Вообще воспитание сдержанности, торможение движений - прежде всего. А избиение товарища считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

Вопрос. Как воспитываете своих детей?

Ответ. Я не воспитываю своих детей потому, что у меня их нет. Я женился, благодаря моим беспризорным, очень поздно, в 40 лет, и детей уже мне иметь нельзя, не успею их воспитать. Но у меня есть дети моей жены, моего брата, и я их воспитываю как умею.

Вопрос. Необходимо издание журнала "Школа и семья".

Ответ. Это правильно. Я вижу, в каком беспомощном положении находятся родители, когда простого совета не от кого получить. Журнал такой нужен.

Вопрос. Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда для всех обязательно семилетнее обучение по единой программе? Согласны ли вы с тем, что при таких условиях воспитание - самое легкое дело? Вы имели в коллективе правонарушителей, а в обычной школе мы имеем такую смесь, что воспитание становится достаточно трудным.

Согласны ли вы с тем, что следует некоторых ребят изолировать от их родителей, даже если они еще не правонарушители? Я имею в виду советский соответствующий интернат.

Согласны ли вы с тем, что ребята, имеющие неоднократные приводы, должны оставаться в нормальной школе?

Ответ. Такой вопрос задал мне Эррио - французский министр, когда приезжал ко мне в коммуны: "Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе с правонарушителями и нормальные дети?"

Я ему ответил, что в жизни тоже они живут вместе. Именно поэтому воспитывать нужно вместе.

Каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться. Вот это советская педагогика.

Я согласен, что воспитание - легкое дело и, конечно, в школе оно легче, чем в коммуне. Я удивляюсь многим нашим директорам, которые говорят: "У вас было хорошо, у детей не было семьи, они все жили у вас под руками". А я их спрашиваю: "А что вы сделали, чтобы овладеть бытом ваших детей?" - "Мы вызываем родителей".

Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: "Ваш мальчик не учится и плохо себя ведет. Примите какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани - не бейте". - "Хорошо, до свидания".

Каждый понимает, в чем дело. В глубине души педагог думает: хорошо, если он его побьет.

Иной родитель после такого разговора прямо берется за ремень, а другой просто ничего не делает, и все идет по-прежнему.

Я считаю, что педагогический коллектив школы должен организовать быт школьника. Чтобы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригады приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать#14. Лиха беда начало. Во всяком случае, влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить воспитанием в семье.

Вопрос. Могут ли быть у детей отрицательные черты характера, или могут быть только дурные привычки, связанные с плохой средой?

Ответ. Могут быть дурные привычки у ребенка с плохой нервной системой, и часто прежде всякого педагогического вмешательства нужно просто пригласить врача. Иногда советуют переменить коллектив. А я считаю, что нет ничего более вредного, как частая перемена коллектива для детей. Из-за этого вырастает антиколлективная личность. Так что действовать в сторону улучшения коллектива лучше, чем менять коллектив. ▲